

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ И ОБЩЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 ГОДУ

В статье рассмотрена деятельность судебных органов Иркутской губернии после Февральской революции 1917 г. Отражаются вопросы их взаимоотношений с губернскими властями, органами местного самоуправления на территории Приангарья, общественными организациями и населением по организации судопроизводства, а также направлениям его реформирования.

The article considers the activities of judicial authorities of the Irkutsk province after the February revolution of 1917 are concerned of their relationship with the government authorities, bodies of local self-government on the territory of the Angara river, organisations and communities on the organisation of the proceedings as well as the directions of its reforming.

После получения известия о революции в Петрограде, состоялось общее собрание отделений Иркутского окружного суда, которое постановило: «Отправлять правосудие от имени Временного правительства Российского государства» [1].

подавляющее большинство сотрудников судебно-следственной системы и адвокатуры признали и приветствовали смену политической власти. Многие из них активно участвовали в работе нового губернского органа власти - Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. Присяжные поверенные входили в его состав, а представители судебно-следственных органов разрабатывали проекты принимаемых решений.

Вместе с тем при внешней неизменности, на работу судебно-следственной системы оказывало влияние стремления новой Российской власти к проведению реформ судопроизводства с их общественным обсуждением. Так, на заседании Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска, в соответствии с обращением министра юстиции А.Ф. Керенского «к советам присяжных поверенных по вопросу об устранении членов магистратуры и прокуратуры, недостойных оставаться на своих постах», «был возбужден вопрос о том, что не все чины судебного ведомства отвечают требованиям нового правопорядка» [2].

В связи с этим «юридическую комиссию, избранную Иркутской адвокатурой», обязали подать Исполнительному комитету «свои мотивированные соображения по вопросу о тех чинах судебного ведомства, пребывание которых на службе в суде обновленного строя недопустимо». Предполагалось осуществить затем «необходимые изменения в составе чинов судебного ведомства» [3].

Однако в отчете о проделанной работе сообщили: «Иркутской адвокатуре представить мотивированные соображения по вопросу о подлежащих увольнению чинах судебного ведомства оказалось

затруднительно». Присяжные-поверенные не смогли прийти к единому мнению по поводу конкретных «лиц, которые своей службой в суде подрывают авторитет закона при новом правопорядке».

Тогда на заседании Исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска 10 марта «подготовка доклада по вопросу о необходимых смещениях в судебном ведомстве, особенно в прокуратуре» была поручена «гражданам Л.А. Белоголовому, С.Л. Вайнштейну, В.С. Войтинскому, В.Г. Дистлеру, Д.А. Кочневу и М.А. Кролю».

Будучи «в прошлой жизни» государственными преступниками («ссылными революционерами»), эти «граждане», олицетворяя теперь новую власть, не могли отнестись равнодушно к руководителям судебных органов губернии в период самодержавной власти. Поэтому прокурор Округного суда А.Е. Левберг и Судебной палаты Е.П. Нимандер лишились своих должностей.

Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска учредил должность комиссара по судебной части, назначив на нее 13 марта «амнистированного крестьянина, из ссыльных, бывшего присяжного поверенного Московского округа С.С. Старынкевича» [4]. Затем его назначили прокурором Иркутской судебной палаты «с сохранением за ним прав и обязанностей комиссара Исполнительного комитета» [5].

Прокурором Иркутского окружного суда «по представлению» С.С. Старынкевича 16 марта утвердили «следователя пятого участка гражданина Чепина» [6].

Попытки кадровой чистки снизу в губернии не удались. Так, в апреле 1917 г. служащие Уголовного отделения Иркутского окружного суда, «как граждане свободной России, у которых сняли с уст позорную печать молчания», на своем общем собрании приняли резолюцию «о недопустимости пребывания товарища председателя суда П.П. Смирнова в Иркутском окружном суде» [7].

Затем в Исполнительный комитет общественных организаций г. Иркутска было направлено письмо с требованием увольнения П.П. Смирнова. В письме сообщалось: «П.П.Смирнов до революции грубо обращался с подчиненными, был несправедлив. Председательствуя на политических процессах, много честных борцов за свободу отправил на каторгу. Был деятельным членом союза Русского народа. Не прибыл в общее собрание отделений суда для принятия постановления о признании Временного правительства сказавшись больным, тогда как на улице появлялся».

Подготовку соответствующего решения поручили «особой следственной комиссией», выбранной из представителей юридического сообщества губернии. Члены комиссии безоговорочно защитили своего коллегу. В составленном ими заключении утверждалось: «П.П. Смирнов был чрезвычайно требователен и в отдельных случаях отношения его к служащим внешне носили грубую форму. Все остальные обвинения решительно не подтвердились».

Кроме того, П.П. Смирнова поддержало общее собрание присяжных поверенных г. Иркутска, охарактеризовав его как судью, который

«тщательно» изучает дело, «беспристрастно» относится к «сторонам» и «никогда не сводит в Суде никаких счетов со своими политическими противниками». В результате не нашли «решительно никаких оснований к удалению гр. Смирнова из Иркутского окружного суда» [8].

Юридическое сообщество защищало членов своей корпорации не только в административном центре, но и на всей территории губернии. Для самоуправлений уездов и волостей работники судебно-следственной системы и присяжные поверенные являлись олицетворением прошлого. В связи с этим на местах принимались и соответствующие решения.

Так, Солонецкое волостное совещание постановило: «Волостной суд упразднить и возложить на Волостной Исполнительный Комитет, с правом постановления решений и обжалования» [9]. В Бодайбо местный Совет распорядился допустить на судебные заседания, проводившиеся мировым судьей Кухаренко двух своих депутатов.

В Черемхово «для наблюдения за деятельностью мировых судей» местный Исполнительный комитет общественных организаций назначил «уполномоченных» [10]. В Усть-Куте мирового судью Токмакова арестовали, упразднив его должность.

Как отмечали наблюдатели, попытки взять «под контроль и улучшить волостное судопроизводство» имели в Иркутской губернии повсеместное распространение [11]. Их удалось пресечь только совместными усилиями юридического сообщества и Комитета общественных организаций г. Иркутска, в котором состояло немало его представителей. От местных властей потребовали «до общего разрешения вопроса об изменении института мировой юстиции» названные и подобные им решения не принимать, «чтобы не колебать общего правосудия» [12].

Не имея возможность прямого вмешательства в деятельность общего правосудия, активисты политических партий, подвергавшиеся ранее гонениям явились инициаторами создания Междупартийных совестных судов.

Сформированные из представителей политических партий конституционных демократов, социал-демократов (большевиков и меньшевиков), социалистов-революционеров, а также Советов, как рабочих, так и крестьянских депутатов, они занимались расследованием деятельности бывших агентов и осведомителей полиции.

Приговоры Междупартийных совестных судов, как общественных институтов, не обладали административной или тем более судебной силой. Однако на формирование общественного мнения они оказывали решающее воздействие. Изучение материалов их работы убеждает в том, что постановления Междупартийных совестных судов большое значение придавали как «привлекавшиеся к ответственности», так и представители новой власти.

Так, согласно архивным документам, на заседании одного из Междупартийных совестных судов в Иркутске 28 марта 1917 г. «слушалось дело бывшего сотрудника жандармского Управления Дмитрия Филипповича Ильина, работавшего под кличками «Будущий» и «Дмитриев».

Было установлено, что Д.Ф. Ильин «дал согласие быть сотрудником жандармского Управления в виду настойчивого давления со стороны жандармского Управления и безвыходности положения». Документов о том, что подозреваемый давал «какие либо сведения по политическому розыску» в архивах полиции не обнаружили.

Напротив, руководство жандармского Управления характеризовало Д.Ф. Ильина как человека, который не заслуживает «никакого доверия». Кроме того, в суд со станции Иннокентьевская «от лиц близко знающих Ильина» поступило письмо, характеризовавшее его «как человека непорочного и порядочного».

В результате суд решил, «что гражданин Ильин в действительности сотрудником жандармского управления не состоял» и признал «Ильина восстановленным в общественном доверии» [13].

В Междупартийном совестном суде г. Нижнеудинска 15 июля 1917г. рассматривалось дело «члена союза истинно-русских людей» Михаила Тимофеевича Фелицина, «привлеченного к суду в качестве доносчика на своих товарищей в период с 1905 по 1909 год».

Признав М.Т. Фелицина виновным, суд решил «признать недопустимым его участие в политических и общественных организациях и во всякого рода общественно-политических выступлениях, в том числе в предвыборной борьбе в Учредительное Собрание, а равно использование пассивных избирательных прав при выборах в органы самоуправления и Учредительное Собрание, до созыва последнего» [14].

Однако комиссар по судебному ведомству С.С. Старынкевич признал это постановление «противоречащим требованиям революционного законодательства», в частности, Положению о выборах в Учредительное собрание.

В своем обращении от 8 августа 1917г. за № 1965 он просил Исполнительный комитет общественных организаций г.Иркутска «сделать соответствующее указание Нижнеудинскому Исполнительному комитету», указывая на то, что «Междупартийный совестный суд не может лишить гражданина права участия в выборах Учредительного Собрания» [15].

Наряду с Междупартийными совестными действовали также товарищеские суды чести. Их сформировали в апреле 1917 г. согласно решению конференции делегатов Забайкальской железной дороги «для рассмотрения недоразумений и конфликтов» между железнодорожниками, «а также для разбора обвинений в предосудительных и несовместимых с честью гражданина поступках, порочащих корпорацию».

Основной задачей суда являлось «моральное воздействие на членов корпорации». В то же время ему «предоставлялось право при тяжких антиобщественных действиях члена корпорации» исключать его «из своей среды» [16].

Обоснованности выносившихся решений способствовала структурная организация вновь созданного института общественного правосудия, представленная линейными судами, «разбиравшими тяжбы между

желелезнодорожниками», и дорожным судом, являвшимся апелляционной инстанцией [17].

Если руководители судебно-следственных органов, в соответствии с действующим законодательством, решительно пресекали попытки общественности вмешиваться в свою деятельность, то обсуждение предполагавшихся судебных реформ в обществе ими всячески приветствовалось. Дважды в месяц на «открытых для публики» заседаниях Иркутского юридического общества, обсуждались важнейшие проблемы государственной и общественной жизни, комментировались правовые акты Временного правительства.

В частности, как следует из сохранившихся протоколов, «19 апреля состоялись доклады Л.И. Марколя на темы «Юридическое обоснование возникновения Временного Правительства» и «Указ об амнистии», а 28 апреля обсуждался вопрос о том, могут и должны ли судьи быть членами политических партий» [18].

2 августа обсуждался проект реформы «местного суда». При этом нововведения, намечавшиеся Министерством юстиции, подвергли резкой критике, о чем «председатель общества Куркутов немедленно телеграфировал в столицу». Иркутяне выступили против объединения «в одном лице мирового судьи и следователя».

Они полагали, что «введение в Сибири временного местного суда ... не только ухудшило бы дело отправления правосудия, но даже бы грозило расстройством такового». Согласно их мнению, «переустройство судебной части Сибири» было «возможно не иначе, как по провидению в жизнь земского самоуправления и обсуждения проектов на местах» [19].

Кроме юристов проекты судебных реформ предлагались с территорий губернии. На проходившем в апреле 1917 г. Бурятском съезде был выработан «Проект Положения о бурятском судопроизводстве». В данном проекте «вместо волостного суда» предлагалось ввести «гласный хошунный суд», которому передавались бы и «все дела, подсудные волостному суду». В состав хошунного суда должны были «избираться населением всего хошуна путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования от 3-х до 8-ми человек». «Заседания суда» могли проходить «при наличии не менее трех человек» под руководством председателя «избиравшегося на каждом заседании отдельно. При равенстве голосов голос председателя имеет перевес.

Второй инстанцией предлагалось ввести «аймачный суд. Членов аймачного суда должно быть столько, сколько в аймак хошунов, т.е. от каждого хошуна по одному члену суда, избранного всем хошуном. Заседание аймачного суда счита[лось] законным при наличии не менее пяти судей» из числа которых избирался бы председатель с правом решающего голоса». Определялся и возрастной ценз для хошунных и аймачных судей – «не менее 20 лет».

«Аймачный суд составл[ял] вторую апелляционную, после хошунного суда, инстанцию и разбир[ал] исковые дела до 500 рублей. Дела и споры между лицами, приписанными к одному хошуну», прилагалось сделать

подсудными хошунному суду, а между лицами разных хошунов аймачному суду. Решение аймачного суда м[огло] быть обжаловано недовольными сторонами в окружном суде в тридцатидневный, со дня объявления решения суда срок. Хошунные и аймачные суды при разбирательстве дела должны» были «руководиться местными обычаями и общими законоположениями» [20].

В то время, когда ведущие Иркутские юристы занимались обсуждением реформы судоустройства в России и в Сибири социально-экономическая ситуация в Приангарье стала резко ухудшаться. Авторитет власти начал неуклонно падать. В разы увеличилось количество преступлений. Мировые судьи были завалены большим количеством уголовных и административных дел, вследствие чего не могли своевременно их изучать и выносить по ним судебные решения. А. Д. Кулехов в своих воспоминаниях о работе в дорожном суде отмечал, что часть уголовных дел переданных железнодорожниками в губернские судебные органы не были рассмотрены и «некоторые из уголовников остались ненаказанными» [21].

Волокита в рассмотрении уголовных и административных дел подрывала у населения губернии доверие к судебной системе. Участились случаи самосуда. Так в с. Уянь сельский сход в присутствии члена сельского комитета и местного духовного пастыря отца Виктора вынес «общий приговор о придании смертной казни известного рецидивиста по мелким кражам, местного жителя Кузьки». Сначала перед жителями села был зачитан список преступных деяний Кузьки, а затем сход стал решать, какую ему применить смертную казнь к преступнику. «Одни настаивали на том чтобы ему разбить поленом голову, другие требовали взять его за ноги и разорвать. После долгих споров, пришли к соглашению убить его из револьвера. При убитом оказалось более 20 рублей денег, которые он которые передал его жене, оставшиеся вдовой с 3 малолетними детьми. Приговор о смертной казни составлял секретарь сельского комитета В.Черных» [22].

16 августа 1917 года комитет общественных организаций г. Иркутска на своем заседании рассматривал вопрос о самосудах. Одним из итогов данного рассмотрения явилось воззвание «ко всем гражданам г. Иркутска», в котором отмечалось, что самосуды «усиливают и увеличивают разруху и анархию». Участникам самосудов комитет угрожал «привлечен[ием] к законной ответственности», а «органы революционной власти» и «все организованные граждане» призывались «всеми доступными им средствами бороться с самосудами толпы» [23]. Невозможно не согласиться с данным возванием, однако усиливала и увеличивала разруху, а также способствовала возникновению самосудов в первую очередь неспособность новых властей решить возникшие перед страной социально-экономические проблемы, а также реорганизовать деятельность правосудия в соответствие со складывающейся в стране чрезвычайной обстановкой. Последний вопрос Иркутскими властями и юристами в частности, вообще не рассматривался.

Таким образом, в 1917 г. правосудие на территории губернии осуществлялось в соответствии с действующим законодательством. Попытки

вмешательства в деятельность судебно-следственных органов властями губернии пресекались. Среди населения и общественных организаций имело место обсуждение намечавшихся судебных реформ. Однако если простой народ видел эти реформы в приближении правосудия к местному населению, путем введения в состав суда выборных от народа, то руководство губернии и юридическое сообщество, прежде всего, настоятельно признавало "необходимым немедленное введение суда присяжных" [24]. Организация правосудия в губернии, как и направление обсуждения намечаемых реформ, не соответствовали требованиям сложившейся социально-экономической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 756; Оп. 1; Д. 5; Л. 2.
2. ГАИО Ф. 750; Оп. 1; Е. хр. 8; Л. 20.
3. Хроника // Иркутская жизнь. 12 марта – 1917. – С. 3.
4. ГАИО. Ф. 756; О. 1; Е. хр. 73; Св. 3; Л. 11.
5. Хроника // Иркутская жизнь. – 1917. – 28 марта. – С. 3.
6. В Исполнительном Комитете // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. – 1917. – 17 марта. – С. 1.
7. Судебные работники о П. П. Смирнове. // Сибирь. – 1917. – 25 апреля. – С. 2.
8. ГАИО. Ф. 756; Оп. 1; Е. хр. 44; Л. 11.
9. Что происходит вокруг Иркутска. // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. – 1917. – 25 марта. – С. 2.
10. ГАИО, Ф. 750; Оп. 1; Д. 81; Л. 3.
11. Киренск. // Единение. – 1917. – 7 мая. – С. 4.
12. ГАИО. Ф. 750; Оп. 1; Д. 12; С. 187.
13. ГАИО. Ф. 756; Оп. 2; Д. 19; Л. 174.
14. ГАИО. Ф. 756; Оп. 2; Е. хр. 1; Л. 7.
15. ГАИО. Ф. 756; Оп. 2; Е. хр. 1; Л. 10.
16. Положение о товарищеских судах и судах чести, принятые на конференции делегатов Забайкальской железной дороги в заседании 10 апреля. // Иркутская жизнь. – 1917. – 20 апреля. – С. 4.
17. А.Д. Кулехов. Из воспоминаний. // «Как мы боролись за власть советов в Иркутской губернии». Воспоминания активных участников Великой Октябрьской Социалистической Революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. – С. 168.
18. В Иркутском юридическом обществе. // Иркутская жизнь. – 1917. – 28 апреля. – С. 5.
19. Юридическое общество. // Иркутская жизнь. – 1917. – 20 августа. – С. 3.
20. Проект положения о Бурятском судопроизводстве, выработанный специальной комиссией на бурятском съезде. // Известия исполнительного комитета общественных организаций г. Иркутска. КОО г. Иркутска. – 1917. – 30 апреля. – С. 2.
21. А.Д. Кулехов. Из воспоминаний. // «Как мы боролись за власть советов в Иркутской губернии». Воспоминания активных участников Великой Октябрьской Социалистической Революции. Сост. – Г. Вендрих. – Иркутск, 1957. – С. 168.
22. В. Черных. Смертная казнь по приговору сельского общества. // Сибирь. – 1917. – 22 сентября. – С. 3.
23. ИК о самосуде // Сибирь. – 1917. – 22 августа. – С. 2.
24. Суд присяжных // Иркутская жизнь. – 1917. – 7 мая. – С. 4.